

Александр ВАРГО
ГРИМЕР

*В это
невозможно поверить...*

ЭКСНО

MYST. Черная книга 18+

Александр Варго
Гример

«ЭКСМО»

2011

Варго А.

Гример / А. Варго — «Эксмо», 2011 — (MYST. Черная книга 18+)

Марат Бессмертных работает в морге гримером. Его дело – придавать покойникам более-менее лицеприятный вид. И у него, мастера макияжа, это хорошо получается. От клиентов нет отбоя. Но один из них кажется Марату странным. Он просит гримера приехать к нему домой и загримировать его покойную жену вторично. Когда Марат и его приятель патологоанатом Петруха приехали к клиенту, они обнаружили, что тот мертв, а труп его жены исчез. Это при том, что в дом никто не входил. Выходит, что мужчину убила... его мертвая жена! Выясняя, что же случилось на самом деле, Марат понимает: кто-то пустил в ход древнюю и страшную магию Вуду. Более того: уже вылеплена кукла и для него...

© Варго А., 2011

© Эксмо, 2011

Александр Варго

Гример

Смерть – это то, что случается с другими.

Вам приходилось когда-нибудь думать о том, что мед пахнет смертью? Я раньше тоже не знал этого...

В крошечном мраке чиркнет спичка. Ее беспомощный огонек качнется, приблизится к фитилю свечи, лизнет его оранжевым язычком. Темнота затрепещет и отодвинется, оголив невидимые до этого руки и инструменты на дощатом столе. Тонкие пальцы того, кто знает меня, но кого я никогда прежде не видел, скатают цилиндрики в шарик, оплавят их на пламени свечи и слепят восковую куклу, подправив ее теплым лезвием ножа. Несколько взмахов острыми ножницами. Палой листвой посыплются шуршащие обрезки креповой бумаги, обвяжут куклу и станут траурным платьем, а выкрашенный черной тушью локон пакли – волосами. Тонкая кисточка пройдет по восковому лицу, прорисует на нем глаза, нос, рот, оживляя его. Затем искривленные хищной улыбкой губы произнесут имя женщины, и раскаленная докрасна тонкая спица вонзится в ее грудь. Брызнет, задымится расплавленный воск. В воздухе поплывет дразнящий медовый запах. А где-то в городе женщина, чье имя было брошено в темноту, внезапно пошатнется и схватится за пронзенное внезапной болью сердце. Когда над ее мертвым телом склонится врач «Скорой помощи», неизвестный при свете свечи уже будет обрядить следующую куклу. А затем произнесет в пропахшую медом темноту следующее имя: мое или ваше.

* * *

Обычно я стараюсь на это не смотреть, но в тот день пришлось. Работать доводилось сразу вдвоем, иначе не успеть. За клиенткой, сорокалетней ухоженной дамой, через три часа должен был приехать муж и отвезти ее домой. Женщина, как и положено, лежала на столе из нержавеющей стали. Петруха с видом творца, собирающегося подправить свое творение, скептически морщился, разглядывая ее незагорелый живот, и озабоченно чесал затылок. В его старомодных очках-велосипедах отражалось искаженное линзами помещение. Ряды столов, облицованные белым кафелем стены, свисающие на длинных электрических шнурах конусы светильников. Зал напоминал бильярдную, не хватало только игроков с киями. Длинные волосы Петрухи, связанные в тугий лошадиный хвост, торчали из-под синей шапочки.

– Древесных опилок или стружек, как положено по инструкции, у нас, конечно же, нет? – спросил он не у меня, а просто бросил в гулкое пространство очевидное.

– Естественно. Неделя скоро пройдет, как везут и никак не довезут, – я уже нервничал. – Сворачивайся побыстрей; пока ты не закончишь, я макияж ей не могу наложить.

– Успеешь сделать из нее куколку, Марат. Вид у нашей мадам должен быть приятный и аккуратный. Так что и мне не скалтурить...

Петруха, тихо ругаясь, отправился на поиски. Замену опилкам и стружкам он нашел быстро – не в первый раз выкручивался. Вернулся с пачкой старых рекламных газет и стоптанными кроссовками в руках.

– А ты, Марат, не морщись, – предупредил он меня. – Кошмары мне сниться не будут. Не придет она ко мне во сне и не закричит: «Отдай мое сердце и печень в придачу!» Потому что я профессионал. И твердо знаю, что мертвецы не ходят. Иначе бы давно из нашего морга разбежались бы по домам. И вообще, прикури мне, пожалуйста, сигарету, – Петруха приподнял руки в тонких латексных перчатках и сложил губы трубочкой.

Я щелкнул зажигалкой и вставил ему в рот тлеющую сигарету.

– Порядок, – блаженно прижмурившись, пыхнул он дымом, подцепил пальцами края взрезанного живота нашей клиентки и развел их в стороны.

Под брюшиной не хватало доброй половины внутренностей. Они, прикрытые клеенкой, аккуратной горкой высились на подносе в изголовье женщины.

– Приятель из медакадемии попросил. Ему биологический материал для практических занятий со студентами понадобился. А его им выдают, как нам те же самые опилки со стружками. На всем экономят, – объяснил наш патологоанатом, хоть я и не просил его откровенничать. – Ей на том свете все это ни к чему, не понадобится. Там никто не ест, не пьет и не испражняется. Вот насчет того, чтобы трахаться, не знаю. Господь Бог жестоко поступит, если лишит обитателей рая и этого удовольствия. В каком виде там существует секс, нам узнать пока не дано. Но уж не в земном, это точно. Зря ты отворачиваешься, смотри – в твои тридцать с небольшим лет полезно. Мозги прочищает получше классической немецкой философии и учения Зигмунда Фрейда, вместе взятых. Трезвый взгляд на жизнь тебе и в будущем не помешает.

Я не хотел смотреть, но глаза сами собой проследили движение руки Петрухи. Так бывает, когда приходится находиться в одной комнате с женщиной. Она переодевается и просит не смотреть. Ты соглашаешься, обещаешь не поворачивать головы, пока не прозвучит: «Теперь можешь смотреть», – а глаза сами косят, высматривая ее обнаженную фигуру, отраженную в стекле, в лакированных поверхностях мебели. Есть соблазны и искушения, от которых трудно отказаться.

– Сколько мужиков с ума сходят, морды друг другу бьют, безумные бабки тратят на то, – вещал склонный к циничному философствованию Петруха, – чтобы прикоснуться к этому органу, проникнуть в него, считая это наивысшим блаженством... Поэты стихи пишут, сравнивая его с розой, покрытой росой... Идиоты самые настоящие. Пришли бы они ко мне на экскурсию, заглянули бы внутрь самой привлекательной при жизни бабы и увидели бы, куда стремятся. На самом деле, внутри вожденная, воспетая рифмоплетами обитель райского блаженства – всего лишь вонючая скользкая кишка, и не более того. Да, Господь Бог создал человека совершенным, но его творение совершенно так же, как совершенна вышивка крестиком. Есть и ее обратная сторона с безобразными узелками и петлями. Тут как со зданием. Существует красивый фасад для лохов, а за ним тянутся кабели, канализационные трубы, о которых знают лишь профессионалы. Но этот орган я ей оставил...

Петруха рассуждал вслух и делал свое дело. Вместо положенных в случае забора органов опилок и стружек, он комкал и запихивал в освободившиеся брюшную полость и грудину газеты. Для объема добавил одну стоптанную кроссовку, обложил ее сверху мятой бумагой и принялся сноровисто зашивать тело кривой иглой.

– Не забывай, бальзамировщики египетских фараонов, готовя их к вечной жизни, потрошили тела подчистую, даже мозг загнутыми крючьями выковыривали, – вещал патологоанатом, явно упиваясь собственной умеренностью.

Стежки ложились ровно, плотно стягивая разрез. Напоследок патологоанатом умело помял живот мертвой женщины, придавая ему природную выпуклую форму. Получилось убедительно.

– Муж ее все не давал разрешения на вскрытие. Не желал ставить подпись, и все. Я ему говорю: вскрывать без вашего согласия, конечно, не имею права, но и отдать тело для прощания и похорон, не вскрыв его, – тоже. Ведь она не в больнице умерла, а на улице... Вот два лишних дня у нас в холодильнике и пролежала, пока он упирался, права качал. Тебе работы прибавилось, марафет наводить. А с моей стороны теперь полный порядок, – резюмировал он, отошел от тела и придирчиво осмотрел последствия своего вмешательства: лишь ровный и аккуратный шов свидетельствовал о том, что тело вскрывали. – Скажу нашим лемурам, чтобы ее одели, и можешь продолжить свою работу. А я пойду заключение писать.

«Лемурами» Петруха называл без учета пола санитаров и санитарок, работавших в нашем морге. Была в этом доля справедливости. Все без исключения, они были какими-то мрачными, словно ночные животные, и руки имели значительно длиннее нормальных, будто их специально по этому признаку отбирали. Вечно смотрели на вышестоящий персонал широко открытыми глазами зомби.

Если вам кажется, что я свою работу не люблю, ошибаетесь. Люблю, и даже очень. И не только за то, что мне родственники умерших время от времени хорошие деньги платят. Начальство больницы не любит в наш старинный корпус заходить. И Петруха мужик классный, несмотря на свой ужасающий цинизм. На его месте иначе нельзя – крыша поедет. От рассвета и до заката с мертвецами общается, вот и ерничает. Он правильно для себя решил: перед ним на столах лежат не люди, и даже не их тела, а биологический материал – режь-кромсай. Если станешь смотреть на мертвеца, как на то, что было человеком – с недодуманными мыслями, несбывшимися мечтами, неиспытанными эмоциями, – долго не выдержишь.

Я – другое дело. Я до морга на телевидении гримером работал. Ведущих и гостей перед выходом в кадр в порядок приводил. В любой профессии есть свои секреты. От того, как грим ляжет, многое зависит. Из милого, приятного человека можно парой умелых мазков такое чудовище сделать, особенно если и осветитель с оператором и с режиссером передачи в сговоре – просто зомби натуральный в кадре окажется. Причем человек сам в зеркало смотреться будет и подвоха не заметит. Только камера нужную картинку увидит и на экран выведет. А можно и наоборот: из форменной проститутки при помощи грима и света сотворить телевизионного гламурного ангела во плоти. На студии так и говорили: Марат Бессмертных (это я, значит) лица людям меняет.

По первому времени увлекало, а потом не по себе стало. Почувствовал, что я сам словно частичку души у своих клиентов краду или, что страшней, наоборот, часть собственной души им отдаю – и ничего, кроме денег, взамен не получаю. А потом халтура подвернулась. Петруха, с которым мы в одном дворе росли, в одном классе учились, в морг пригласил разовый заказ выполнить. Их штатный гример за работу не взялся, сложная, а родственники не хотели в закрытом гробу хоронить. Работу за ночь сделал практически по одной прижизненной фотографии. Пришлось парню лицо восстанавливать, восковые отливки делать, пудрить их, гримом подмазывать... Но вышел покойник по высшему классу живее всех живых. Хотя, честно говоря, это уже не покойник был, а его скульптурный портрет в моем исполнении.

Ну а дальше сами знаете, как это случается с хорошим мастером. Один потенциальный заказчик друзей спросил, кто-то из тех, кто со мной дело имел, порекомендовал, и никакой специальной рекламы не потребовалось. Слухами земля полнится. А морг, где Петруха патологоанатомом работает, необычный – сюда со всего города свозят тех, кто не дома, не в больнице умер, а скажем, на улице или в магазине, кого машина сбила. Потому заказов у меня хватает. Обычно родственники, если деньги у них есть, расплачиваются, не скупясь. Ведь от смерти всякий откупиться спешит. В душе думает: если поскуплюсь, если ей должен останусь, она раньше положенного за мной придет. Сам я так не считаю. У каждого свое время. Его ни ускорить, ни отодвинуть невозможно ни за какие деньги.

Особенно же мне материал, с которым я работаю, нравится. Другие предпочитают холст, мрамор, цветное стекло для витражей, бронзу и даже золото в произведения искусства превращать, но это все по большому счету ерунда по сравнению с человеческим телом – самым совершенным и самым дорогим материалом на Земле. Со мной в этом смысле разве что мастера татуировки сравниться могут. Но у них другое – они лишь дополняют человеческую кожу, нанося на нее рисунок. Я же возвращаю душу в умершее тело, хотя бы на время прощания с родственниками и друзьями, но возвращаю. А это дорогого стоит. Люди не хотят смотреть в лицо смерти, им и в трупе подавай того, кого они знали при жизни. Близких людей не обманешь, они видят, кто перед ними в гробу лежит: родной человек или бездарно разрисованная

кукла. Тут, в морге, я и понял, что настоящий мастер и рисовать на людских лицах есть мое призвание. Человек должен делать то, что умеет делать лучше других, то, чего никто другой, кроме него, не совершит. Иначе зря проживешь на земле. Вы хоть раз пробовали уловить и передать на словах, на бумаге, на холсте то, что было душой? То-то же, это не каждому дано. А я умею... Или мне казалось, что умею? Теперь даже не знаю.

Наши «лемуры» только с виду неповоротливые, а своему делу обучены. Одели клиентку в строгое черное платье на «раз-два-три»; я даже сигарету на крыльце докурить не успел, как толстая тетя Клава в застиранном синем халате с уважением к моей персоне произнесла:

– Марат, можете приступать. Она готова.

Сперва в морге младший обслуживающий персонал пытался называть меня по отчеству и при этом на «ты». Но в этом отношении я быстро навел порядок. Пусть будет одно имя без отчества, но зато на «вы». Надо уметь держать дистанцию. Один раз сдашься, второй – и не заметишь, как с этими «лемурами» начнешь по ночам медицинский спирт бухать.

Петруха знал – я страшно не люблю, когда во время работы мне смотрят под руку, а потому клиентка уже ожидала меня в небольшой комнатке, негласно отданной мне руководством больницы для работы. Патологоанатомы туда без дела не совались. Покойница лежала в дорогом гробу на больничной каталке. Сияли начищенные до зеркального блеска латунные ручки, матово переливался вишневый лак. Я даже пощелкал ногтем по блестящей поверхности. Гроб был сделан из настоящего дерева – не из штампованного пластика. Да и ручки – настоящее литье. Было бы стыдно подкачать со своим умением перед великолепием столярной работы.

Ярко вспыхнула бестеневая лампа под старым сводчатым потолком, залила безжизненным светом красивое, но уже тронутое печатью смерти лицо женщины. Я разложил на низкой полке баночки с гримом, наборы теней, тушь, кисточки. На этот раз предстояло работать без фотографии.

Вам приходилось когда-нибудь долго находиться наедине с покойником, особенно ночью – один на один? Тогда вам должно быть известно это тревожное чувство, когда в любую чертовщину готов поверить. Ты глядишь, всматриваешься в мертвое лицо и подсознательно пытаешься отыскать в нем признаки жизни. Кажется, что мертвец все слышит, все понимает и даже пытается взглянуть на тебя из-под сомкнутых век. Пока не отрываешь взгляда, он мертв, но стоит отвести на пару секунд глаза или просто моргнуть, как тут же замечаешь – веко у мертвеца чуть приоткрылось, и вот уже под ним поблескивает глазное яблоко, чернеет зрачок. Он смотрит на тебя! Или же пальцы чуть изменили положение. В хитрой усмешке приподнялся уголок губ. Вы готовы поклясться, что этой улыбки раньше не было. Вы точно помните, что веки были плотно сомкнуты, а теперь они приподняты, виден глаз... И это реальность, соединяющая два мира: мир живых и мир мертвых.

И сколько Петруха по старой дружбе ни пытался мне втемняшивать, что все это остаточные явления угасающей на уровне обмена веществ жизни, химические процессы, протекающие в мертвом теле, спонтанные сокращения мышц и увядание тканей... Я не поверил ему и не верю до сих пор. Жизнь не может бесследно уйти из тела, пока оно существует.

Я даже не знал имени своей клиентки. Конечно, можно было пойти к Петрухе и посмотреть в документах. Ведь имя многое значит. Ольги выглядят по-другому, чем Дарьи, и совсем уже не похожи на Валентин. Каждое имя кладет свой отпечаток на лицо, особенно женское. Ведь женщины при жизни умудряются выглядеть не совсем так, как сотворила их природа: краски для волос, макияж, тренировки перед зеркалом. Мертвая же незнакомка лежала передо мной такой, какой сотворила ее природа. От первого штриха, мазка кисточкой зависит многое, и я всецело предоставил себя интуиции. Смешивались тона, я накладывал грим в три слоя – так, чтобы ощущалась глубина цвета. Так делают художники, они никогда не работают чистым колером. И лицо оживало. Я даже рискнул нарисовать у женщины на шее тонкую синюю мер-

цающую жилку, отошел на шаг и залюбовался. Ее нервная прерывистость создавала эффект биения, будто бы кровь пульсировала в ней. В последнюю очередь я занялся губами. По большому счету, от формы их уголков, от изгиба их линии зависит выражение лица. Ну и от разреза глаз, конечно, тоже.

Покойникам нельзя придавать отрешенное выражение лица, не надо изображать и скорбь. Если это мужчина, то лучший выход – придать выражение задумчивости, словно бы человек видит и слышит что-то очевидное для него, но недоступное другим. А вот женщине, особенно нестарой, в гробу лучше всего таинственно улыбаться, как Джоконда, неуловимой загадочной улыбкой. Такой она и запомнится всем, кто придет на похороны. Что я и сделал, при моем-то умении это несложно. Несколько четких, выверенных движений, и безжизненные губы чуть заметно изогнулись, будто ожили.

Привести в порядок руки – это уже не работа, это рутина. Имелся бы у меня подмастерье, как бывало в Средние века, поручил бы это дело ему. Немного тонирующего крема, и мертвенная белизна исчезла. Я перебрал несколько пачек искусственных ногтей и остановил свой выбор на перламутрово-розовых, по цвету менее насыщенных, чем губы. Полтюбика клея, и вот они уже стали частью образа незнакомки.

Во время работы я никогда не смотрю на часы. Мозг сам отсчитывает время с точностью до минуты. Интуиция сработала четко. Времени до приезда мужа клиентки оставалось ровно на одну сигарету.

Муж оказался человеком пунктуальным. Приехал минута в минуту. Сам, несмотря на «разобранный» вид, сидел за рулем. Покрасневшие от бессонницы глаза излучали странную энергию, будто бы отчаявшийся человек внезапно обрел надежду. Такое выражение мне приходилось наблюдать не часто; его можно встретить за карточным столом, когда игроку неожиданно-негаданно фартовая карта приходит из прикупа, а он боится испугать удачу и не хочет выдать себя партнерам по игре. Вот тогда взгляд и предает игрока.

Мужик выглядел состоятельным. Одни его шмотки тянули как минимум тысячи на полторы баксов, и это не считая часов, запонок и заколки для галстука.

– Здравствуйте, – негромко и с приличествующей долей скорби в голосе произнес Петруха из-за моей спины.

Обычно он приветствовал людей фразой «добрый день», но обращал ее только к коллегам. По отношению к клиентам-заказчикам она звучала бы бестактно.

Мужчина кивнул и отстраненно поинтересовался:

– Она готова? – словно бы речь шла о том, успела ли собратиться его супруга для поездки в театр.

– Все в лучшем виде, – Петруха многозначительно глянул в мою сторону, – у нас лучший гример во всем городе. Постарались.

– Я знаю.

Петруха сделал приглашающий жест, и мы все трое двинулись по гулкому коридору морга. Я-то уже давно перестал замечать царящий здесь запах. Мужчина же старался дышать скупом, словно боялся и сам пропитаться запахом смерти. Когда он вошел в небольшую комнату, бестеневая лампа была уже выключена. Свет, падавший от окна, прошедший сквозь трепещущую листву деревьев, падал на лицо покойной. Даже я не ожидал такого эффекта. Губы вдовца дрогнули, он замер. Таким взглядом можно смотреть только на живую женщину, на ту, которую любишь и желаешь. Еще мгновение, и я бы не удержал его. В глазах мужчины блеснули слезы, и он бросился к гробу.

– Маша, – он уже готов был поцеловать ее в лоб.

Я жестко схватил его за плечо, где-то в пиджаке треснула нитка.

– Да погодите же вы! – Я крикнул нарочито грубо, чтобы образумить его. – Грим весь смажете.

– Грим?... Ах, да.

Муж хотел взять покойницу за руку, но я мягко отвел его пальцы.

– И руки тоже.

– Когда грим высохнет?

Я пожал плечами:

– Вообще-то не очень скоро.

И вновь я заметил в глазах мужчины странный блеск. На этот раз он даже показался мне сумасшедшим. Он явно надеялся, но на что? И тут разговор вернулся чисто в деловое русло.

– Я вам должен... – Мужчина дрожащими пальцами принялся расстегивать блестящие замки борсетки.

Я вопросительно посмотрел на Петруху. В конце концов, о моем гонораре договаривался он. За одну и ту же работу моя такса менялась; все зависело от благосостояния заказчика, которое Петруха определял на глаз. Но не успел он и слова молвить, как мне в руки ненавязчиво перекинул конверт. Я лишь мельком, украдкой заглянул внутрь и поспешил спрятать его.

– У нас тут скрипач один есть, – вставил Петруха, – он может прямо здесь что-нибудь соответствующее обстоятельствам сыграть. Душещипательное. Многие заказывают. Virtuoz, хотя и подвержен...

– Не надо, – резко отмахнулся мужчина. – Можете закрыть гроб. Микроавтобус-катафалк, о котором я просил, уже готов?

Петруха кивнул, и «лемуры» принялись закрывать гроб лакированной крышкой.

– Вскрытие все-таки производили? – сделав над собой усилие, спросил мужчина.

– Минимальное. Я не мог иначе. Есть стандартная процедура, – отведя глаза в сторону, ответил патологоанатом.

С еле слышным скрипом заворачивались винты, а мужчина уже тыкал кнопки мобильного.

– Рамирес?... Да, это я. Через полчаса она уже вернется домой... доктор говорит, что минимальное... все, жду.

Те, кто связан с моргом, с похоронами и кладбищами, знают множество примет, которые следует соблюдать. Но энергия, внезапно плеснувшая из мужчины, заставила и меня, и Петруху промолчать, когда он взялся помогать нашим «лемурам» перегружать гроб своей жены в катафалк. Хотя каждому известно, что родственники не должны нести гроб – иначе быть беде.

«Пусть уж лучше к гробу прикасается, чем к покойнице», – решил тогда я.

Я честно отдал Петрухе двадцать процентов своего гонорара, ведь заказ устроил мне именно он.

– Не хочешь вечером раскатать бутылочку вискаря? – предложил патологоанатом, небрежно засовывая «зеленые» в нагрудный карман халата.

– В другой раз, – ответил я, провожая взглядом легковой автомобиль и катафалк, катившие по больничной аллейке.

И тут же, сам еще не понимая почему, задумался.

«Рамирес? Не часто услышишь такое имя. Прямо фильм «Город»... Может, родственник покойной? Может, она испанка или из Латинской Америки? Брюнетка, вроде даже натуральная. Все, – приказал я сам себе. – Забудь. Эта страница перевернута. И тебе к ней никогда больше не придется возвращаться».

Так я подумал тогда. Но как же я ошибался! Вернуться пришлось, и довольно скоро...

* * *

Вечером следующего дня я зашел в кабинет к Петрухе. Он сидел за компьютером и нащелкивал одним пальцем очередное заключение.

– Привет творческим работникам, – тихо произнес он и как-то странно подмигнул, даже не понять – специально или просто глаз у него дернулся.

– Заказы для меня стоящие есть? – поинтересовался я.

Что-то не нравилось мне в его виде – странный какой-то, дерганный. То ли что-то недозволенное сделал, то ли в переплет попал. Я поводил перед лицом патологоанатома ладонью.

– Э, ты вообще-то слышишь, о чем я тебя спрашиваю?

Петруха прикусил указательный палец и как-то уж совсем тревожно произнес:

– Пошли подышим, – и тут же огляделся по сторонам, не подслушивает ли нас кто.

Курил я буквально несколько минут назад, но отклонять предложение Петрухи не стал. Мы вышли на крыльцо.

– Слушай, тут такое дело... Хочешь, берись, хочешь, нет. Вчерашний клиент, ну, тот самый вдовец звонил. По-моему, он сейчас вдребезги пьян. Даже я в такой хлам нажираться не умею.

– Что именно ему понадобилось? Работой моей остался недоволен?

– Откуда я знаю? Позвонил, тебя спрашивал. Сказал, что дело для тебя есть и ждет он тебя прямо сейчас со всеми твоими инструментами. Мужик он вроде бы не скупой... вот и адресок я записал... – Петруха повертел в пальцах прямоугольник из плотного картона.

Я призадумался. Деньги, они лишними никогда не бывают. Но все же хотелось бы знать, какая именно работа меня ожидает. Вполне могло оказаться, что умер кто-то из родственников его знакомых и вдовец порекомендовал меня. Но почему тогда не позвонил сам заказчик?

– Он телефон свой оставил?

– Не-а, – Петруха отрицательно покачал головой, – я же говорю, вдрызг напился. Звякнул, выложил, что хотел, сказал: «Жду» – и трубку бросил.

– Ну, ладно, если что, он мне за ложный вызов заплатит.

– Дело говоришь, – согласился Петруха.

До этого мне никогда не приходилось выезжать к заказчикам на дом. Все, что могло мне понадобиться, умещалось в кожаном саквояже.

Через полчаса я уже выбирался из машины в мрачном дворе кирпичного девятиэтажного дома. Номера квартир были прорисованы над подъездами броской синей краской – словно татуировки. Я остановился у железной двери, отыскал нужную кнопку и коротко позвонил. Но домофон молчал. Никто не спешил открывать мне замок. Еще пару раз вдавил кнопку, теперь уже требовательнее. В ответ тишина.

– Поумирали они там все, что ли? – вырвалось у меня, но я тут же прикусил язык. Не стоит шутить со смертью.

И тут замок коротко пискнул, дверь отворилась. Из нее мимо меня шагнул высокий молодой мужчина, явно чужак. Длинный, почти до самой земли, черный плащ. Черные и жесткие, как проволока, волосы. Смуглый орлиный профиль прорисовался на фоне кирпичной стены.

– Карамба, – донеслось до моего слуха негромко произнесенное слово.

И тут последние сомнения насчет национальности мужчины развеялись: или испанец, или латиноамериканец. Он резко повернулся ко мне и смерил внимательным взглядом. Немного масляные, как у всех южан, выразительные карие глаза чуть сузились. Мне показалось, что он знает меня и обо мне, где-то уже видел. А ведь я столкнулся с ним в первый раз, это точно. Память на лица у меня профессиональная. Мужчина придержал дверь и негромко произнес по-русски с акцентом, но совсем не коверкая слов:

– Кажется, вы хотели войти, Марат. Вас, наверное, ждут, – и он одарил меня холодной, несколько презрительной улыбкой.

Так студент университета может улыбаться, глядя на школьника младших классов. Удивиться и ответить я не успел. Дверная ручка выскользнула из его длинных ухоженных пальцев, и я еле успел нырнуть в подъезд, иначе электронный замок вновь отрезал бы мне туда путь.

Стальная дверь сразу отсекала от меня привычные, а потому практически незаметные звуки города. Только сейчас я ощутил, что до последнего мгновения они наполняли пространство вокруг меня. Тут царил прохладный полумрак. Мои шаги гулким эхом отражались от голых стен. Судя по почтовым ящикам, нужная мне квартира находилась на верхнем, девятом этаже. В лифтовом колодце загудела лебедка, что-то протяжно взвыло, загудело, завибрировало. Створки двери мягко разъехались, словно приглашали меня войти внутрь. Я не решался шагнуть туда. Кабинка пришла пустой. А ведь я не нажимал кнопки вызова, даже подумать о лифте не успел. Словно кто-то сегодня распоряжался всеми моими поступками и передвижениями против моей воли. И тут на память пришел черноволосый латиноамериканец. Неужто он и об этом позаботился? Половинки дверей сошлись у меня за спиной. Кабинка вздрогнула и пошла вверх.

Время как-то странно растянулось. Мне казалось, лифт идет, возносит меня и никак не может остановиться. Я готов был поклясться, что он уже давно миновал девятый этаж и плывет над городом. Чудилось, что вот уже и ветер пытается ворваться сквозь щели в пластиковых панелях. Я почти успел запаниковать, когда кабинка резко дернулась и замерла, будто зависла в пустом пространстве. Я инстинктивно отступил вглубь, чтобы не оказаться на краю пропасти.

Но нет, солнце не ударило мне в глаза, за порожком не проплывали облака. За пыльным и мутным, словно смазанным жидким мылом, стеклом лестничной площадки простирался городской пейзаж, открывавшийся с высоты девятого этажа.

Дверь в квартиру, чей номер совпадал с написанным на прямоугольнике картона, скрипнула и отворилась. За ней – никого. Сквозняк подхватил несколько чистых листков офисной бумаги и вынес их на площадку.

– Эй, – позвал я, – есть здесь кто-нибудь?

Мне показалось, что в квартире происходит какое-то движение. То ли паркет поскрипывал, то ли кто-то удобнее устраивался на разболтанном стуле. Я переступил порог. Широкий коридор перегораживал рухнувший стеллаж. Книги рассыпались по полу, сквозняк шелестел страницами. Пахло воском.

– Есть кто-нибудь? – вновь позвал я.

В комнате парусом надувались сдвинутые шторы, то пропуская солнечный свет, и тогда он золотился в пляшущих пылинках, то закрывая его. Я прислушался. Станный скрип повторился из спальни, а затем его как обрезало. По здравом рассуждении мне стоило развернуться и уйти. Черт с ними, с деньгами, черт с ним, с ложным вызовом и потерянным временем! Мало ли что взбредет в голову пьяному, на днях потерявшему самого близкого ему человека? Но что-то удерживало меня, не давало уйти просто так. Ведь оставалась какая-то недосказанность, неясность. А таинственное всегда манит, хоть и пугает. Уйдешь, а потом еще долго будешь гадать, что же было там, совсем рядом, куда не решился войти...

Я шагнул в спальную комнату. Лучше бы я этого не делал. Иногда один-единственный шаг способен повернуть твою жизнь и далеко не всегда в лучшую сторону.

Я был абсолютно уверен, что похороны состоялись вчера. Но первое, что я увидел, – это уже знакомый мне дорогой гроб. Он стоял поверх простыней на двуспальной кровати, глубоко вдавившись в матрас. Прислоненная к гардеробу крышка отражалась в зеркале. Покойница лежала, неровно скрестив на груди руки, ее глаза были широко открыты и смотрели в потолок. Грим, макияж – все оказалось смазанным, и сквозь разводы проступали трупные пятна. На какое-то время я даже забыл о том, кто я и почему оказался здесь – настолько неожиданным было зрелище. На прикроватной тумбочке лежал нечищенный, зато надкусанный, как яблоко, апельсин и высилась недопитая бутылка виски. И тут у меня за спиной что-то зажужжало, словно огромный майский жук появился в комнате. Я резко дернул головой и зафиксировал взглядом вздрагивающий мобильник. Чужая трубка жужжала, мигал экран; телефон медленно полз по стеклянному столику к краю. И тут в квартире раздалось невнятное бормотание и нето-

ропливые шаги. В дверном проеме возник вдовец. Не обращая никакого внимания на меня, он поднял трубку, глянул на номер и отшвырнул мобильник на кровать. После чего сел рядом с гробом и приложил ладонь к лицу – так, словно бы свет резал ему глаза.

Я стоял и, честно говоря, не знал, что делать. Мужчина медленно поднял голову, губы его нервно дернулись. Он и в самом деле был сильно пьян.

– Думаешь, я сошел с ума? – глухо произнес он и тут же хихикнул. – Нет, это вы все сумасшедшие, – и он мгновенно приложил указательный палец к губам. – Ты ничего странного не замечаешь?

Не дождавшись от меня ответа, мужчина потряс головой и промолвил:

– Все, молчу-молчу. Просто делай свою работу. Верни ей жизнь. Ты нужен не мне, а ей.

– По-моему, это вам нужна помощь, – я старался говорить как можно мягче. – У вас есть кто-нибудь из друзей или близких, кто мог бы приехать к вам и побыть рядом? Скажите номер, я позвоню.

– У меня? – Мужчина внезапно поднялся и ловко, словно не был пьян, схватил меня за ворот рубашки, притянул к себе. – Мне никто не нужен. Запомни. Единственный, кому сейчас нужна помощь, это она... – Он разжал пальцы и примирительно произнес: – Извини. Просто делай свою работу. Я заплачу. И хорошо заплачу.

– Я не отказываюсь. Но, может, все же кому-нибудь позвоните?

Он вырвал у меня рабочий саквояж, раскрыл его и поставил на кровать. А затем загородил собой выход из спальни. Смотрел исподлобья, хмуро и решительно. Я почувствовал, что не выйду отсюда, пока не сделаю своей работы. С пьяными и сумасшедшими лучше не спорить.

Я опустил покойнице веки и придавил их двумя позеленевшими, еще царской чеканки, пятками, извлеченными из кармашка саквояжа. В принципе, для этих целей годится любой груз, но существует традиция, и от нее не стоит отступать. Уже не одному покойнику они на своем веку навсегда закрыли глаза.

Мазок ложился за мазком, я старался не думать о странной ситуации, в которой оказался. Трупные пятна исчезали под слоем грима. Когда же я коснулся руки женщины, то вздрогнул. Тело не окоченело, несмотря на то, что смерть наступила четыре дня тому. Суставы оставались подвижными, ткани – мягкими. Мне даже на мгновение показалось, что женщина жива. Но я тут же поспешил найти этому реальное объяснение: в конце концов, Петруха был мастером своего дела и вполне мог закачать в тело один из своих бальзамирующих растворов.

Я снял с век тяжелые медные пятаки и тонкой кисточкой подкрасил ресницы, тампоном нанес тени. Отступил на шаг, чтобы удостовериться – ничего не забыл?

Мужчина, пошатываясь, подошел, встал рядом со мной и тоже всмотрелся в мертвое лицо.

– Живая, живая... У тебя визитка есть? – бесцветным голосом спросил он и требовательно протянул руку.

Рассыпанные книги шуршали на сквозняке страницами. Хозяин квартиры шагал за мной прямо по обложкам.

– Ты, это... Ничему не удивляйся. Хорошо? У меня с головой полный порядок. Просто так надо, а по-другому и быть не может. – Он сунул мне в руки конверт с деньгами. – Возможно, я тебе еще когда-нибудь позвоню, и ты приедешь. Жизнь подлая штука. Договорились? – И он с надеждой взглянул мне в лицо.

– Вы о чем?

– А ты ничего не понял?

Я не нашелся что сказать – просто отступил на лестничную площадку и закрыл дверь. Конверт сухо хрустнул в моем кармане.

Уже на улице, сидя в машине, я немного пришел в себя. Глянул на дом. На девятом этаже в распахнутом окне надувались ветром занавески. Мужчина стоял спиной к раме, что-

то говорил и при этом ожесточенно жестикулировал. А ведь в квартире никого, кроме него и покойницы, не было.

– Точно, крыша у мужика поехала, – произнес я. – Он что, ее хоронить совсем не собирается? Но ведь гроб-то купил...

Ситуация такая, что, как говорится, необходимо сообщить куда следует. А куда, собственно, следует сообщать в таких случаях?

Весь день мне хотелось с кем-то поделиться пережитым. Казалось, расскажешь – и сбросишь с себя часть груза. В общем-то, когда эмоции отошли на второй план, картина стала вырисовываться ясная. Спятивший муж просто не решается похоронить жену, оттягивает момент прощания с ней. Он провел ночь рядом с женой, лежащей в гробу. По пьяни мог даже целовать, обнимать, а когда протрезвел и увидел «картинку», то испугался и вызвал меня подновить грим. Отсюда и его напористость, хамоватость. Похмельный синдром. Вот и вся мистика.

Посвящать в подробности других сотрудников мне не хотелось. Я наложил элементарный дешевый макияж двум покойникам и теперь попивал чай в комнате. Петрухе было не до меня, освободился он только ближе к вечеру и сразу же определил, что со мной случилось неладное. А способ решения проблем патологоанатом знал верный, действенный и чисто русский.

– погоди рассказывать... – Он вынул из тумбочки письменного стола бутылку, налил мне полстакана. – Машину здесь оставишь, домой можно и на такси добраться – ведь на деньги заказчик тебя не кинет?

– Не кинул, – согласился я и покорно выпил теплый виски.

К удивлению, помогло. Получив свою долю гонорара и спрятав ее в карман халата, Петруха поудобнее устроился на офисном кресле и тронул меня за плечо.

– Вискарь, кстати, тот самый заказчик мне презентовал. А теперь можешь рассказать, что там у тебя с ним не склалось.

– Послушай, кто-нибудь следит за тем, чтобы умерших хоронили? Ну, служба какая-нибудь... Нормативы существуют? Умер человек, и его, скажем, не позже чем через неделю должны или кремировать, или в землю закопать...

Петруха глянул на стену, затем на потолок и задумался.

– Хороший вопрос. Как-то я им никогда не задавался... – и тут же развел руками. – Законодательных нормативов точно нет. Есть лишь рекомендации. Получается, что и службы соответствующей нет. В этом вопросе никто не следит, чтобы дебет с кредитом сошелся. Следят только за тем, чтобы не похоронили неучтенный труп. И следят строго. А вот легального покойника, получается, никто и не пасет. Его хоть год дома держи, пока не надоест.

Мой рассказ Петруха выслушал спокойно, без особых эмоций, только понемногу подливал в тонкостенный лабораторный стаканчик и пил теплое спиртное мелкими глотками. После чего шумно потянул носом воздух и покачал головой.

– Всяких идиотов хватает. Я за свою практику такого наглядился...

– И я не первый день в морге, – напомнил я.

– День! – возмутился Петруха. – Ты тут без году неделя, внутрь мертвецам не заглядывал, с их родственниками по душам не беседовал...

– Согласен. И все же что ты про это думаешь?

– Думаю, тебе надо про этот случай поскорее забыть. Что прошло, того не изменишь. И нечего мозги грузить. Вот за это давай и выпьем.

Сильная, поросшая кучерявыми волосками рука Петрухи надежно сжала горлышко бутылки. Спиртное полилось в емкости.

– Чокаться не будем. За упокой души – если она, конечно, есть.

Петруха одним большим глотком выпил стограммовый стаканчик и придвинул ко мне пакетик с сухариками.

– Ты же знаешь, я в морге не ем, – отказался я.

– Вот я и говорю, молодо-зелено. Я по первьяне тоже брезговал жевать, а потом ничего, привык. – Патологоанатом всыпал в широко раскрытый рот пригоршню сухариков и захрустел. – Забудь. Когда-нибудь все само собой прояснится.

– Когда?

– Когда и думать об этом перестанешь, интерес пропадет. Я тертый калач, наперед все вижу. Знаешь, как меня тут наши «лемуры» за глаза между собой называют? «Мертвый доктор». Мне так даже нравится.

Виски незаметно подошел к концу. Петруха с сожалением осмотрел пустую посудину. За окном уже основательно потемнело. В открытую форточку влетали порывы влажного предгрозового ветра. Старое одноэтажное здание морга, возведенное из красного кирпича в начале прошлого века, стояло на отшибе больницы. Строения подобного рода обычно стыдливо прячутся среди густой зелени, чтобы не напоминать пациентам и их родственникам о том, что смерть всегда бродит в больничных стенах. Даже фонари вокруг не горели. И если бы не доносившийся изредка с улицы гул автомобильных двигателей, можно было подумать, что мы с Петрухой сидим где-нибудь за городом.

– Можно сгонять за водярой. Магазин рядом, – предложил патологоанатом. – Или ты только благородное пойло употребляешь?

Я отрицательно покачал головой:

– Водяра, вискарь... Разницы нет, дело только в градусах. Но бежать не стоит. Настроение такое гнусное, что меня никакая порция спиртного не прошибет.

– Это тебе только кажется, как медик тебя заверяю. Давай допивать, что уже разлито, а там видно будет. А теперь выпьем за то...

Петруха не успел договорить, он так и застыл с приподнятым стаканчиком. На его рабочем столе волчком завертелся-завибрировал мой мобильник. Когда я глянул на дисплей, то по выражению моего лица «мертвый доктор» сразу же догадался, в чем дело.

– Он звонит? – почему-то шепотом проговорил Петруха.

– Он самый. Что делать будем?

– Тебе звонят, ты и решай, – самоустранился от проблемы патологоанатом, подмигнул мне и опрокинул стаканчик без всякого тоста.

– Не буду отвечать.

– Дело твое.

Мобильник все вертелся, полыхал мертвенно-синим экраном и настойчиво, как менты, пришедшие провести обыск, трезвонил.

– Это уже неприлично. В конце концов, я могу спать или лежать в постели с девушкой...

– Никто тебя и не заставляет отвечать. Хочешь, вообще выключи.

Мобильник, будто бы воспринял предложение, сам по себе смолк, погас.

– Вот видишь, – только и успел сказать мой собутыльник, как аппарат вновь ожил. – Вот же зараза, привязался... Да пошли ты его к чертовой матери!

Не знаю, что на меня нашло, но следовать дельному совету приятеля я не спешил. Жужжащая, полыхающая неживым светом трубка манила меня. Я протянул руку и вдавил кнопку громкой связи. Мобильник от этого прикосновения тут же успокоился – перестал верещать, жужжать и мирно мигнул экраном. Петруха одобрительно кивнул, мол, правильно сделал.

– Алло, я вас слушаю, – абсолютно нейтральным голосом, будто и не понимал, кто звонит, сказал я.

– Вы приезжали ко мне вчера, и вряд ли вы забыли увиденное. – Голос звонившего звучал ровно, и, скорее всего, в отличие от нашей последней встречи, его обладатель был сейчас абсолютно трезв.

– Вчера вы пытались постоянно говорить мне «ты», – мстительно напомнил я. – И, ко всему прочему, схватили меня за грудки.

Петруха поднял большой палец, показывая мне, что я взял верный тон – надо наезжать первым.

– Извините меня, я не все помню, – проговорил вполне искренне мой собеседник. – Надеюсь, вы понимаете, в каком состоянии я находился?

– Понимаю. Но успел дать себе зарок больше не иметь с вами никаких дел. Я не единственный гример в городе. Однако рекомендовать кого-нибудь вам не имею желания... Ладно, забудем об этом. Извинения принимаются. Так что до свидания.

– Не отключайте телефон. Вы сейчас на работе? Мне не нужен никто другой. Мне вновь нужна ваша помощь. В последний раз.

Мы с Петрухой переглянулись. Я покрутил пальцем у виска и прошептал одними губами:

– Он что, до сих пор ее не похоронил?

Петруха сделал неопределенный жест – мол, всяко бывает, однако спрашивать об этом бестактно.

И тогда я продолжил разговор:

– В чем должна заключаться помощь? У меня не телефон доверия.

– Профессиональная помощь, – отозвался в трубке голос.

– В точности повторить вчерашнюю работу? Это уже форменное сумасшествие. Подумайте сами.

– Я не хотел бы говорить об этом по телефону, – скороговоркой произнес собеседник. – Вы можете ко мне приехать прямо сейчас? Только я не в городской квартире, а за городом, но это недалеко.

– Ничего не получится. Я уже изрядно выпил и собираюсь идти домой. В любом случае за руль не сяду – и никакую работу ни за какие деньги выполнять не буду. Давайте созвонимся завтра до обеда и все спокойно обсудим.

– Исключено. Я заплачу двойную цену и обещаю больше вас не беспокоить. Я пришлю за вами такси прямо сейчас. Водитель дорогу знает. Ждите.

Трубка отключилась стремительно, так, чтобы я не смог возразить.

– Бьюсь об заклад, он не ответит, если я сейчас позвоню... – Я покрутил мобильник в руке.

– Мне кажется, он там был не один, – Петруха понюхал пустой стаканчик. – Какое-то хрюканье слышалось и вроде шаги...

– Мне тоже показалось.

Я глянул быстро в потемневшее окно. Дул сильный ветер, и ветви сирени хлестали по стеклам. Небо заволокли тяжелые, подсвеченные огнями большого города облака. Но из них все никак не мог пролиться дождь. Даже здесь, в помещении, чувствовалось, что воздух наполнился влагой с непривычным болотным запахом, будто где-то неподалеку чистили застоявшийся пруд.

– И что делать будем? – Петруха стянул с головы синюю шапочку и тряхнул тугим, стянутым аптекарской резинкой хвостом волос.

– Кажется, мы собирались расходиться по домам.

– Собирались, – согласился патологоанатом, – но деньги на дороге не валяются. А заказчик сказал, что заплатит двойную цену. Думаю, не обманет. Чем ты рискуешь? Давай, в последний раз. А?

– Что-то не хочется. Да и погода не располагает к загородным поездкам.

– А мы на такси. Слышал, машина уже в пути.

– У меня такое желание, просто непреодолимое: взять и позвонить сейчас в милицию.

– И что ты скажешь? Человек покойницу не хоронит, а дома держит? Он что, ее с собой и за город повез, на пикник?

– Ничего не знаю, но за некрофилию и издевательства над трупом предусмотрена статья.

– Думаешь, некрофил?

– Не думаю, а уверен.

– Так это ж его жена, хоть и бывшая... поскольку умерла. Так рассуждая, любого мужика, который с бабой познакомиться пытается, насильником назвать можно. Он пьяный ее целовал, по лицу гладил, вот грим и смазал. Сам видел, сколько раз прямо в морге у нас это бывало. Не успеешь остановить – и все... Ну и что ты милиции скажешь? Тут уж сразу в дурку звонить надо. А принудительного лечения для законопослушных граждан не предусмотрено.

– Ты как хочешь, а я пошел. – Я поднялся из-за стола. – За выпивку спасибо. В другой раз я проставлюсь. Насчет своей доли сильно не переживай – заказчиков на наш век хватит.

– Не в доле дело. Плевать мне на нее хотелось. Хочешь, и эти деньги отдам. Ты, Марат, погоди, – Петруха несколько раз моргнул, снял очки и протер глаза. – Но насчет моей доли это ты абсолютно законно и правильно вспомнил. Ведь я тебя в это дело втравил, с заказчиком свел... А потому будет справедливо, если мы сейчас с тобой вместе поедem. Если этот урод чего учудить вздумал, мы его на пару мигom успокоим. Ты же видишь, – он поднял свои могучие руки, – это же руки патологоанатома, они все могут: в буквальном смысле сердце вырвать и мозги вышибить. Я обещаю тебе – если он потом еще раз позвонит, я сам в милицию сообщу. Знакомых у меня там хватает, профессия того требует. Припугнут. А сейчас поговорю и мозги ему вправлю. Я же это умею. Ты, Марат, меня знаешь.

Ветер внезапно стих, ветви качнулись и замерли. Блики от далекого фонаря пробились сквозь неподвижную листву и, словно золотые кружочки старинных монет, рассыпались по столу.

Может, если бы мы не пили, то черта с два поддались бы на провокацию. Может, будь у нас еще минут десять на раздумья, отказались бы ехать. Но не повезло с этим делом. Кто-то вдавил кнопку звонка на входной двери морга. Древний зуммер под гулким сводом коридора ожил.

– Пора! Собирай свои шмотки, едем.

Таксист, позвякивая ключами, ждал нас на крыльце. Присмотрелся. Выглядели мы колоритно. Петруха в синей шапочке со своим неизменным конским хвостом вышел в накинутах на плечи операционном халате. На карманчике красовался больничнй бейдж. Я же, наверное, напомнил водителю такси провинциального доктора из литературных творений Чехова или Булгакова: костюм, светлая рубашка, старомодный саквояж и шляпа.

– Вы Марат Бессмертных? – поинтересовался таксист, в упор глядя на Петруху.

– К счастью, нет. Это он, – указал на меня патологоанатом.

– Меня Дмитрий Петрович к вам прислал. Просил к нему на дачу завезти. – Таксист уже шагал впереди нас к поблескивающей за опущенным шлагбаумом машине с шашечками.

Петруха, в отличие от меня, всегда был реалистом. Материальная сторона дела интересовала его в первую очередь. Не уточнив меркантильных деталей, он никогда не ввязывался в дело. Сам бы я не догадался спросить, а ведь стоило.

– Поездка хоть оплачена?

– Можно считать, что так. Все в лучшем виде. Дмитрия Петровича я не первый год вожу. Он, знаете ли, немного этого... – таксист многозначительно щелкнул себя по подбородку, – любит злоупотребить по выходным. Приедут они с женой на дачу, он лишнее вечером и выпьет. А с утра как за руль сядешь? Вот мне и звонит. Приезжай, мол, выручай. Я всегда наготове, у меня стоянка возле их дома. А жена у него красавица!

Петруха хмыкнул, садясь в машину:

– Хм... вообще-то да.

– Извините, конечно, за любопытство. Может, случилось что, если ему медики срочно понадобились? Или вы так, знакомые, отдохнуть? Он один на даче или с супругой, не знаете? Я-то спросить не успел, – таксист уже рулил по улице, плавно набирая скорость.

– Вообще-то жена у него уже четыре дня как скончалась, – сказал я и добавил: – Вот по этому поводу, кажется, и едем.

Получилось не очень внятно, но таксисту было достаточно.

– Да, дела, однако... Я и не знал, что померла. То-то, думаю, голос у Дмитрия Петровича какой-то потухший был.

– Далеко ехать? Мы туда в первый раз, – поинтересовался патологоанатом.

– На Кольцевую выскочим, там веселей пойдет. За полчаса должны домчаться. На дороге-то уже не то что днем...

Слова о том, что красавица-жена Дмитрия Петровича умерла, остудили разговор. Таксист стал молчалив и задумчив, просто гнал машину и не стремился к лишнему общению. На задумчивость пробило и меня. К тому же погода и время суток к этому располагали. Даже сидя в автомобиле, чувствовалось, как ветер обрушивается на землю мощными порывами. Впереди в свете фар то и дело мелькала сорванная с деревьев сухая листва.

«И какого черта я туда еду?» – подумалось мне.

Обычно я чувствую опасность, предвижу неприятности, интуиция в этом плане меня не подводит. Но вот воспользоваться своим знанием с пользой для себя почему-то удается редко. Вечно кажется, что ошибаюсь, что пронесет, обойдется. Вот и тогда мне хотелось положить руку на плечо водителю и сказать всего лишь два слова: «Остановите, пожалуйста». А потом хлопнуть дверцей и пойти назад к переливающимся огнями городу. Но нет же, сидел, как идиот, рядом с Петрухой и тупо дожидался, пока машина примчит меня к новым неприятностям.

Кольцевая сменилась неширокой асфальтовой дорогой. Я уже смутно представлял себе, где мы едем. Мелькали коттеджи, островки леса, поля. Ветер гнал, выкатывал на трассу с пашни клочья скошенной травы, пучки соломы.

– Ну никак дождь не начнется, словно заколдовал его кто-то, – пробубнил таксист, а затем радостно ткнул пальцем в лобовое стекло. – Считайте, уже и приехали.

Мне пришлось ухватиться за спинку переднего сиденья, так резко завернул автомобиль и затрясся на выбоинах проселка. Мимо нас проплыла недостроенная коробка коттеджа – и тут же потонула в сумраке старых сосен. Таксист продолжил:

– Места тут отличные, и вода есть – Истра. Потому и земля дорогая. Да только вот все дело старое кладбище портит. Вон оно, видите, – водитель повернул голову влево.

Между толстых деревьев виднелись кресты и памятники, подступившие к самому проселку.

– Днем еще ничего, а по вечерам лучше не соваться, жуть берет. Это мне Дмитрий Петрович рассказывал. Поводились на этом месте люди вешаться, будто им леса мало... По мне уж, если вешаться, так лучше всего в сарае, чтобы невинных людей не пугать, а только родственников. Если повесился человек, то, значит, они и не уследили, их вина, присматривать за своими-то надо. А тут прямо напасть какая-то. Года не пройдет, чтобы кто-нибудь не удавился, словно самоубийцам медом здесь намазано. Говорят, будто здесь раньше, где дачный поселок, имение стояло, и жил в нем странный помещик. У них тут склеп фамильный на этом же кладбище. Он один и достроен. Все восстановили. Говорят, это потомки того помещика, которые после революции в Латинскую Америку – кажется, в Парагвай – свалили, приезжали и так распорядились, денег на это не пожалели. Но точно не знаю.

И тут свистнул ветер, ворвавшись в узкую щель между дверцей и припущенным стеклом. Даже волосы у меня на голове зашевелились. Где-то совсем близко хрустнуло, и что-то темное, объемное прямо с неба рухнуло впереди на дорогу. Свет фар буквально влип в густую, вывернутую ветром наизнанку листву, внезапно возникшую перед лобовым стеклом. Таксист еле успел нажать тормоз, и автомобиль замер в паре метров от упавшего поперек дороги дерева. Водитель перевел дыхание и вытер ладонью мгновенно вспотевший от испуга лоб.

– Вот же черт... а если бы в глаз?

И почему я только в тот момент не хлопнул дверцей и не зашагал назад к шоссе? Ведь куда уж больше? Какой знак свыше мне еще был нужен? Кладбищенское дерево, на котором, возможно, повесился какой-нибудь бедолага, перегородило нам путь! Но ведь знаете, как бывает? Если рядом с вами человек, делающий вид, что его ничего не настораживает, что он знает ответы на все вопросы, то начинаешь полагаться на него. А именно таким, стопроцентно уверенным в себе, и казался мне тогда Петруха...

– Мужики, выйти придется.

Выбрались из машины. В свете фар роилась мошकारа, изголодавшиеся комары тут же почуяли свежую плоть. Листва шевелилась, похрустывали сухие ветки. Казалось, кто-то пытается выбраться из рухнувшей кроны, да никак не может. Путаясь в ветках, спотыкаясь, отмахиваясь от листвы и мошкары, мы все же оттащили дерево с дороги.

– Еще бы секунд десять, и прямо на крышу, – оценил ситуацию таксист.

На пригорке виднелся дачный поселок. Лишь в редких домах горел свет. Оно и не удивительно – будний день, люди на работе, не до отдыха. Мы проехали в широко распахнутые ворота. Кроны старых садовых деревьев буквально переплетались у нас над головой. Такси остановилось, чуть не упершись бампером в сетчатый забор с узкой, – только одному и пройти, – калиткой. Дальше мрачно темнел лес. Дорога здесь кончалась, превращаясь в неширокую тропинку, которая петляла между стволами и растворялась во мраке.

И вдруг мы услышали пронзительный крик. Мужской или женский, точно и не скажешь. Он прозвучал и оборвался. Откуда он донесся, было не понять, хотя кричали где-то вблизи. Звук умножился, отразившись от близкого леса, других строений. Мы, все трое, тревожно переглянулись.

– У соседей вроде молодые люди круто гуляют. Такое тут случается. А вот и дача Дмитрия Петровича, – указал нам на основательный дом из «кругляка» под металлочерепичной крышей водитель. – Я уж, знаете, сразу туда не пойду. Лучше здесь пока подожду. Такое ж дело, жена у него умерла... А я в таких случаях нужных слов не нахожу. Не знаю уж, что и сказать ему. Вы же вроде в таких делах люди бывалые, – и таксист, мгновенно заскучав, закурил.

Скрипнула невысокая металлическая калитка, и мы с Петрухой зашагали по выложенной бетонной плиткой дорожке. По обеим сторонам от нее высились кусты роз. Патологоанатом потянул носом.

– Вроде баньку кто-то топит.

– А, по-моему, паленой резиной пахнет, – принялся и я.

В воздухе и в самом деле, несмотря на сильный ветер, пахло дымом. И шел этот дым не откуда-нибудь из трубы, а прямо из приоткрытой двери дома.

– Блин, что-то мне здесь не нравится, – произнес патологоанатом.

– Кажется, это не я, а ты хотел сюда приехать.

В доме почувствовалось движение. Я рванул на себя дверь, и тут же в лицо мне пахнуло горелым.

– Заснул он, что ли?

Петруха, почувствовав мое замешательство, решительно пошел впереди меня. Он вырвался вперед всего шага на три. Но в помещении этого достаточно, чтобы увидеть то, чего еще не рассмотрел идущий за тобой. Я услышал, как Петруха обо что-то споткнулся и невнятно заматерился. Сделав всего два шага, я увидел сидевшего на корточках Петруху, а перед ним лежал, распластавшись на полу, тот самый заказчик – Дмитрий Петрович. Его вытаращенные глаза стеклянными шарами пилились в потолок, на посиневшей шее краснели свежие гематомы. В раскрытом рту белели металлокерамические зубы. Я замер, не решаясь переступить порог. А Петруха уже суетился.

– Теплый еще, авось откачаю.

Всегда уважал людей, не теряющих хладнокровия в сложных ситуациях. Петруха уже делал искусственное дыхание, наваливался на грудину, пытаясь запустить сердце. По комнате полз едкий дым, распространявшийся от камина, там что-то чадило. За время работы в морге я насмотрелся на всяких мертвецов, были среди них и утопленники двухнедельной давности. Но в мертвецкой обличие смерти – привычное дело. Там оно на своем месте. Как упакованное в вакуум мясо на магазинной полке. Там ты готов к встрече с ним. А тут, на чужой даче, все было, с одной стороны, обыденно, с другой – пугающе внезапно и совсем не к месту. Сервированный для ужина вдвоем столик с опрокинутыми свечами, дымящий камин и то ли живой, то ли мертвый хозяин, распростершийся на полу. Я чувствовал себя лишним на этом празднике смерти. Петрухе явно не нужна была помощь. Он сноровисто дышал изо рта в рот и крепко давил на грудную клетку.

– Да ну же... ну же... запускайся... – приговаривал он при каждом вздохе, каждом нажиге и припадал ухом к груди Дмитрия Петровича.

И тут у себя за спиной я почувствовал какой-то невнятный шорох. Медленно повернул голову... Вроде нет, показалось. Прихожая была пуста. Шорох повторился, на этот раз уже более явственно, будто съезжала, шелестела одежда. И я понял, откуда он доносится, – из-за раздвижных зеркальных дверей шкафа-купе. Я стоял и смотрел на собственное отражение: испуганные глаза, перекошенный рот.

«Ну нельзя же так нервничать. На кого ты похож?» – подумал я и сделал неосторожный шаг вперед.

Зеркальная дверь не отъехала, не сорвалась, она просто отлетела, обрушившись на меня. Я только и успел прикрыться рукой, как меня буквально впечатало в бревенчатую стену. Посыпались осколки. Кто-то с шумом метнулся мимо меня на крыльцо. А когда дверь упала и я выглянул на улицу, то заметил только качающиеся ветви розовых кустов да хруст веток. Не знаю, что на меня нашло, но я тут же рванул следом. Такое бывает. Забываешь об опасности. Возможно, срабатывает на уровне подсознания инстинкт охотника или воина – догонять того, кто от тебя убегает. Ведь если убегает, значит, он слабее тебя и боится. Значит, ты сильнее и способен легко победить.

Свет, лившийся из окон бревенчатого дома, слабел, рассеивался с каждой секундой. Ветки хлестали по щекам, в вершинах деревьев завывал и бушевал ветер. А в меня словно дьявол вселился. Я мчался, прислушиваясь к хрусту веток впереди меня. Единственным желанием было догнать, повалить и прижать к земле. И вдруг хруст стих. Никто больше не ломился сквозь заросли. Я замер и прислушался. До моего слуха доносились лишь обычные ночные звуки. Где-то далеко за лесом играла музыка, шумел, прорываясь сквозь деревья над моей головой, ветер, слышался гул пронесившихся по шоссе машин. И тут страх вернулся в мою душу. Тот, за кем я гнался, явно был где-то рядом. Он затаился, что-то задумав против меня. Возможно, пара пристальных глаз следила за мной сейчас из малинника. Возможно, он уже крался, приближаясь ко мне сзади. Возможно...

Перед моими глазами четко возникла картинка: помятая, неестественно изогнутая, в пятнах гематом, шея человека, с которым я недавно говорил по телефону, который вызвал меня сюда... Я невольно втянул голову в плечи, почувствовав себя незащищенным. Кто мог помешать неизвестному убийце расправиться и со мной – здесь, в лесу? Я отступил на шаг, прижался спиной к толстому стволу сосны. Руки предательски дрожали, в горле пересохло. Темнота в паре метров от меня казалась крошечной, и что таится в ней, оставалось только догадываться. А фантазия у меня разыгралась. Кровь стучала в висках. Я вскинул руку с мобильником, вдавил кнопку. Экран полыхнул синим призрачным светом. Так, как полыхал уже сегоднешним вечером в кабинете морга. Он выхватил из темноты широкие листья малины. Но от этого темнота не исчезла, она лишь отодвинулась от меня и сгустилась.

И вот когда я собирался с духом, чтобы побежать назад, где-то совсем рядом прозвучал тихий, почти бестелесный вкрадчивый шепот.

– Марат... Марат... – звучало словно из другого мира.

Кто-то звал меня. Я плотнее прижался к дереву и лихорадочно стал водить перед собой мобильником, словно его слабый свет мог оградить меня от опасности. В такие моменты всегда делаешь глупости, ведь свет в темноте лишь выдает тебя, делает более заметным.

– Марат, это ты? – прозвучал уже более уверенно голос.

Зычно хрустнула сухая ветка, колыхнулись заросли малины. И передо мной возник Петруха.

– В глаза-то не свети. Теперь вижу, что это ты. А то я уж было подумал...

– Как он? – выдавил я из себя.

– Ни хрена сделать не удалось. Чуть ребра ему не поломал, а сердце так и не отозвалось... Тьфу ты, черт! Ментам звонить надо. И, вообще, какого черта ты побежал? Тебе жить надоело?

– Сам не знаю. Словно в спину кто-то толкнул. Я и рванул догонять.

– Куда он делся?

– Хрен его знает. Может, уже далеко отсюда. А может, и поблизости затаился.

Петруха хоть и хорохорился, но тоже явно боялся. Говорить стал нарочито громко, так, чтобы его мог услышать и тот, кого мы оба опасались.

– Все, я в ментуру звоню, – заявил он и принялся тыкать в клавиши трубки.

Даже не знаю – успели ответить ему или нет, но тут Петруха опустил ладонь с мобильником и тупо уставился в прогалину между деревьями. Я обернулся и увидел, как возле дома полыхают красным и синим огни мигалки.

– Кажется, менты уже сами приехали, без нас. Пошли. Ох, и почему я тебя не послушался? Не надо было сюда ехать.

– Чего уж теперь раскаиваться. Поздно.

Мы вернулись на дачный участок и нос к носу столкнулись с двумя милиционерами, выходящими из дому. Врачебный халат Петрухи явно сбил их с толку. И патологоанатом мгновенно этим воспользовался, чтобы разрядить обстановку. Согласитесь, не очень-то уютно ощущать себя под прицелом автомата, который держит в руках подозрительный сержант, только что обнаруживший на даче теплый труп с явными следами недавнего удушения.

– Там кто-то был. Выскочил. Возможно, убийца. Мы за ним погнались, – принялся объяснять Петруха, обращаясь к молодому лейтенанту, который явно превосходил своего помощника в интеллекте.

Сотрудник правоохранительных органов прищурился:

– Кто вы такие? Документы.

Сержант бдительности не терял. Ствол автомата смотрел то на меня, то на Петруху.

– Я патологоанатом, – вконец запутал все дело мой приятель, отцепил от кармана халата больничный бейдж с фотографией и печатью, протянул его лейтенанту.

У калитки замаячил водитель такси.

– Это я их привез.

– Убийца в лесу, я его не догнал.

– Разберемся, – выдавил из себя лейтенант.

Но все же его сообразительности хватило на то, чтобы послать сержанта проверить. Правда, предварительно он усадил нас в милицейскую машину. После чего, отойдя в сторонку, принялся общаться с кем-то из коллег по мобильному телефону. Я видел, как хаотично двигается фонарь среди кустов, пытался разобрать негромкие слова лейтенанта. Петруха толкнул меня локтем в бок.

– Знаешь, что им надо говорить? – заговорщицким шепотом спросил он.

– А ты знаешь?

– Правду, и только правду. С ментами по-другому нельзя. Все равно до правды докопаться. А не докопаются, свою правду придумают.

– Зачем нам врать? Мы же ни в чем не виноваты.

– Если не считать левого заказа и всяких странностей возле этого убийства. А этого твоего Дмитрия Петровича, сто пудов, придушили. И придушили всего за несколько минут до нашего приезда. Это я тебе как профессионал говорю.

– А кто ментов тогда вызвать успел?

Петруха неопределенно пожал плечами.

– Свет не без добрых людей. Выяснится. Случайностей в этом мире не бывает, и все тайное становится явным. Только не паникуй. Правоохранители этого очень не любят. И старайся не возражать против их формулировок – просто уточняй то, что они говорить будут.

Сержант, подсвечивая себе фонарем, буквально выломился из густых зарослей в калитку. Первым делом посветил в лобовое стекло машины, чтобы убедиться – мы на месте и никуда не исчезли. А затем доложил лейтенанту:

– Там кто-то сквозь кусты ломился. Это точно. Как минимум две линии следов. А потом не понять – куда и кто подевался. Вроде правду говорят.

– Разберемся. Наша бригада скоро приедет, пусть у них голова и болит.

– А с ними пока что делать? – Сержант явно имел в виду меня, Петруху и водителя такси.

– Смотри, чтобы лишнего не натоптали. Эти двое пусть в нашей машине ждут, а таксист – в своей.

Петруха почесал небритую щеку. Щетина затрещала, как сухой песок на стекле.

– Я же говорил тебе, что он не один был, когда по телефону говорил. Сопел кто-то рядом, словно медведь в берлоге, – патологоанатом морщил лоб.

А лоб у Петрухи, надо сказать, неординарный, такие еще поискать надо. Как он умудрился при своей не слишком грузной комплекции вырастить на нем слой сала толщиной в палец, не знаю. Но складки получались глубокие, и оттого казалось, что мой приятель рассуждает очень основательно. Рука его дернулась и повернула ручку стеклоподъемника. Лейтенант сразу вздрогнул и обернулся к нам.

– Оставайтесь в машине, – строго предупредил он.

– Лейтенант, тут такое дело... Возможно, вы все уже уладили, но я напомнить хочу, что в камине что-то дымило. Может, вещдоки сгорают? Залить надо.

По лицу молодого офицера милиции сразу стало понятно, что до такой очевидной вещи он в запарке не додумался. И это сразу подняло акции Петрухи в его глазах. Любой специалист четко почувствует, что перед ним профессионал более высокого класса.

– Сержант, – тут же призвал подчиненного лейтенант. – Камин осмотреть надо. Если еще горит – погасить.

Петруха сразу же дожал:

– На столе, помнится, ваза с цветами, вот этой водой и плесните.

Я, честно говоря, про вазу с цветами не помнил. У каждого своя профессиональная память. У меня только на лица, тела. А вот Петруха с легкостью мог бы описать любым похмельным утром, сколько и каких приборов было разложено на праздничном столе.

Сержант исчез в доме, а я спросил:

– Интересно, а сколько цветов в этом букете?

– В смысле? – Обросший слоем сала лоб Петрухи вновь наморщился, казалось, ткни в него сейчас пальцем, и останется вмятина сантиметр глубиной.

– Четное или нечетное количество цветов в букете?

– А, ты снова за свое... Хочешь понять – покойнице ли букет предназначался? А то, что баба с ним была, когда он нам звонил, по-моему, это возможно. Ни один мужик в здравом

рассудке букет на стол просто так не поставит. Если, конечно, у него с головой и ориентацией все в порядке.

– Но это еще не значит, что нашего Дмитрия Петровича баба задушила.

– Конечно. Ты же слышал, что лейтенант сказал – разберемся. А задушить человека даже у тебя так просто не получится. Тут руки сильные надо иметь, как у меня.

Возле лейтенанта уже появились соседи по даче – пожилые муж и жена. Из обрывков реплик нам стало понятно, что это они и вызвали милицию, услышав крики на соседней даче. Так что постепенно картина для нас стала проясняться. Грело душу и то, что соседи видели, как и когда мы приехали. Значит, подозрения о нашей причастности к убийству Дмитрия Петровича должны были отпасть сами собой даже у одномерных ментов. Все же трое свидетелей были на нашей стороне: соседи и водитель такси.

И тут небо наконец-то разродилось дождем. Ливень, хоть его и все ожидали сегодня, умудрился хлынуть внезапно. Он прошел над участком буквально стенами. Вмиг стекла машины покрылись крупными каплями, забарабанило по крыше. Где-то над головой в низком, затянутом тучами куполе неба полыхнула молния, громынул гром. Само собой возникло желание перекреститься, но я сдержался. Не люблю выставлять эмоции наружу.

Сержант и соседи укрылись под навесом крыльца. Лейтенант нырнул к нам в машину. Крупные дождевые капли кляксами укрывали его форменную фуражку. Мерно заработали стеклоочистители, проявив ненастный пейзаж.

– Я того, кто выскочил из дома, – начал я, – даже в лицо не видел.

Лейтенант приподнял руку:

– Погодите с воспоминаниями. Вот приедет группа, дознавателю все и расскажете. Мое дело – уберечь следы на месте преступления, если таковое имело место быть. Вы курите?

Петруха с готовностью вытащил пачку сигарет. Дым потянулся из салона в узкую щель над приспущенным стеклом. У нас с Петрухой, да и у лейтенанта, подозреваю, на душе было скверно. Одно дело, когда труп без следов насильственной смерти обнаруживают в кустах, в лесу, вылавливают из озера. Но когда убитый человек лежит в своем собственном доме, где каждая вещь говорит о нем, о его пристрастиях, то поневоле проникаешься его жизнью. А Дмитрий Петрович явно имел хороший вкус. Мебель, даже на даче, неброская, но дорогая. На стенах пара картин, и не дешевая китайская мазня, а авторские полотна. Я в живописи досконально не разбираюсь, хоть и причисляю себя к художникам, но стоящую вещь определяю с первого взгляда.

– Все следы на улице смоем... Вот же не повезло! Зарядил ливень... не мог еще с полчасика подождать... – тоскливо вздохнул лейтенант и глянул в зеркальце заднего вида.

По узкому проезду дачного поселка неторопливо катил микроавтобус.

– Вот и наши приехали. Сейчас и передам вас из рук в руки. – Чувствовалось, что лейтенант уже не испытывает никаких эмоций, кроме облегчения. Зона его ответственности кончалась. Дело оставалось лишь за малым: просветить дознавателя, составить документы и отчалить.

Милицейский микроавтобус шорохисто развернулся на узкой дороге и стал, подперев собой такси. Народу прибавилось. Петруха напряженно всматривался в лица приехавших. Первой из машины выбралась средних лет женщина с волевым лицом. Судя по поведению ее сопровождавших, она и была старшей в группе.

– Быстрова Ольга Николаевна, – проговорил мой приятель. – Старший следователь. Ничего ни плохого, ни хорошего о ней сказать не могу. Но сталкивался с ней только в качестве консультанта.

– А тебе что, приходилось бывать и в качестве подозреваемого? – живо поинтересовался я.

– Всякое случалось. Но с ней – нет. Один раз по дурусти приставать к ней во время работы начал, вмиг отшила. И чего, спрашивается? Она же не замужем, – и тут Петруха расплылся в улыбке. – Теперь все в порядке. Вот и дружан мой прибыл – Виталик, – и он, не дожидаясь приглашения, выбрался из машины, заспешил навстречу вышедшему последним из микроавтобуса эксперту.

Тот, кого Петруха назвал Виталиком, держал в руке матово поблескивающий алюминием профессиональный кофр, в зубах сжимал незажженную сигарету. Он тут же расплылся в улыбке, завидев патологоанатома, протянул руку.

– А тебя кто вызвал? – поинтересовался он у Петрухи.

– Не поверишь, но я на этот раз свидетель. К тому же случайный. Приятеля сопровождал. Он из наших, морговских, Маратом зовут.

Я обменялся с экспертом рукопожатием. Не знаю почему, но у людей, находящихся «при исполнении», почему-то ладонь всегда оказывается вялой, влажной и прохладной, как дохлая рыба. Хотя за рамками службы такого за ними может и не наблюдаться.

Старший следователь строго взглянула на эксперта, призывая его к порядку и субординации.

– Виталий, осмотрим место преступления.

На какое-то время нас предоставили самим себе. Ольга Николаевна с Виталиком и понятыми – соседями по даче – прошли в дом. Мы с Петрухой стояли на крыльце и ждали. Из комнаты слышались голоса, сотрудники следственной бригады ходили по дому. Заскрипела лестница, ведущая в мансарду.

– Как ты думаешь, – спросил я, – наш Дмитрий Петрович привез-таки мертвую жену на дачу? Может, наверху лежит?

– Если бы ее нашли, то они так бы спокойно не переговаривались. Хотя в подвал еще не спустились... Думаю, ее здесь нет нигде.

– Тогда какого хрена он нас вызвал к себе?

– Он тебя вызывал, я только за компанию увязался, – ответил патологоанатом. – А цветов в вазе на столе было шесть – четное количество, как для покойницы. Если это тебе все еще интересно. Но ничего сверхъестественного я в этом не вижу. Поставил человек букетик в память о жене. А тебя вызвал, чтобы выпить вместе, извиниться за свое поведение и попросить не распространяться о своих странностях. Денег бы еще за это дал. И вообще, давай не думать за следователя. Она за тебя твою работу делать не станет, вот и ты лишнего на себя не бери.

В конце концов пригласили в дом и Петруху. О чем его спрашивали, что он там делал, я не знал, ждал своей очереди. Минут через пятнадцать позвали меня. Я вошел. Мой приятель, несмотря на свой статус свидетеля, уже сумел органично вписаться в следственную группу. Общался с экспертом, давал ему советы. Виталик уже чего-то накопал, разложил в прозрачные пакеты. В комнате по-прежнему отвратительно пахло горелым, но залитый водой камин не дымил. Цветы – розы, срезанные, скорее всего, тут же во дворе, – лежали на скатерти. Тело Дмитрия Петровича уже накрыли покрывалом. Понятые выглядели подавленными, но при этом с любопытством меня разглядывали. Сперва Ольга Николаевна задавала мне стандартные вопросы, затем, поняв, что мои слова ни в чем не расходятся с Петрухиными и что перед ней человек образованный, готовый помочь, предоставила мне самостоятельно рассказать о том, как мы с приятелем оказались здесь в это время.

Я начал с того момента, когда Дмитрий Петрович приехал в морг забирать тело жены. Эмоции и собственные домыслы оставлял в стороне, сообщал лишь факты.

– ...так, значит, эти деньги в конверте, найденные в кармане убитого, – взяла следователь один из запечатанных Виталиком прозрачных пакетов, – гонорар, предназначавшийся вам?

– Наверное. По телефону он говорил, что заплатит, но за что именно, уточнять не захотел. Большого не сообщил. Сумму мы не обговаривали. Мне показалось, человек немного не в себе, и стоит приехать поддержать его морально. Жаль, что немного не успели. Мог бы еще жить...

– Так за что именно было обещано заплатить? – прозвучал закономерный вопрос.

– Не знаю точно. Но, как я понял, речь шла о моих профессиональных услугах гримера.

– Вам не кажется странным, гражданин Бессмертных, что вас вызвали в такое время на дачу, где просто не к кому и не к чему было применить ваши дарования?

Несмотря на трагизм ситуации, я слегка улыбнулся и покосился на закрытое подстилкой тело – мол, как это не к кому? При желании можно:

– Этот вопрос я и собирался задать погибшему, приехав на дачу.

– Раньше не могли – по телефону?

– Я же говорил, он немного не в себе был. Выпалил все, что хотел, и трубку отключил.

– Неплохо зарабатываете, – произнесла следователь.

– Не жалуюсь. Но раз на раз не приходится.

Петруха прокашлялся и попросил на правах коллеги:

– Если вы не против, Ольга Николаевна, то стоит просветить парня насчет покойницы, а то он мне уже все уши прожужжал, пока мы в машине сидели. В свете этой информации и его рассказ будет выглядеть ближе к правде.

– К правде или к реальности? – уточнила Быстрова.

– К реальности. Факты он излагает правильно, но сами видите, в каком он состоянии. Да и выпили мы немного.

– Нет, не против. Вы проинформируйте гражданина Бессмертных, – согласилась следователь. – Мне как раз нужно звонок сделать, – и она принялась набирать номер.

– Покойницу похоронили сегодня во второй половине дня, – с важным видом сообщил Петруха. – Все достоверно и официально. На Северо-Восточном кладбище. Так что не для нее тебя наш заказчик приглашал.

Быстрова тем временем выяснила у невидимого абонента, что на имя убитого открыто как минимум два счета в банке. Числа не озвучивались, но по тону следователя не трудно было догадаться, они немалые, и значительная часть денег была снята незадолго до гибели вкладчика.

– Нет, блокировать счета не надо, – распорядилась она. – Если на них будет движение, сразу сообщайте.

– Пластиковые карточки, скорее всего, похищены, – подсказал Виталик. – В портмоне их нет, а два отделения для карточек пусты, хотя остальные набиты всякой дрянью – от прошлогодних квитанций на оплату до использованных проездных билетов. Ну, и фото жены под прозрачной вставкой находится. Покойный не слишком любил порядок.

Быстрова отложила телефон и внимательно посмотрела мне в глаза:

– Мы проверили ваши последние звонки по мобильному – их продолжительность и абонентов, базовые станции. Все совпадает с тем, что вы мне рассказали. Ну а всякую мистику оставьте при себе. Я реалистка, во всяком случае, на службе. Попрошу вас и вас, – глянула она на Петруху, – в ближайшее время не покидать пределы города. Вы можете понадобится следствию.

– Понятно, – без особого удовольствия проговорил патологоанатом.

В его голосе почувствовалось то, о чем я тут же подумал. Мы с ним вполне подходим на роль подозреваемых. Во всяком случае, пока не отыщется более подходящая кандидатура. При желании на нас можно повесить труп. Наши отпечатки пальцев присутствуют на даче, мои – в городской квартире. Вот уже с нас практически и взяли подписку о невыезде. В воздухе установилась недобрая тишина. Мне хотелось говорить, доказывать, но по собственному опыту знал, что чем энергичнее оправдываешься, тем подозрительнее выглядишь.

Эксперт присел на корточки у камина и принялся копаться в мокрых остатках горелого. Внезапно подняв голову, он с оживлением произнес:

– Ольга Николаевна, тут фрагменты рекламной газеты; возможно, на ней сохранился адрес получателя. Обычно пишут номер дома и квартиру. Будет тогда и зацепка. А это, – он подцепил и приподнял длинным пинцетом, – обгоревшая кроссовка. С виду сорок пятый размер. Явно «не по плечу» ни хозяину дачи, ни его жене. Если это все же их, то где-то должна быть парная к ней, а я пока не заметил. Странное занятие для человека, ожидающего гостей из морга, – жечь в камине старую чужую обувь...

Кроссовка, причем одна, без пары... Скомканная рекламная газета... Ведь это уже было, совсем недавно. Я глянул на Петруху, он сообразил и вспомнил быстрее меня, а потому хотел сказать мне взглядом: «Молчи». Я прикинул и не стал подсказывать следователю, откуда тут могли появиться эти вещи. Где или, точнее, в ком они находились раньше, я помнил отлично, а вот объяснять следствию их появление в камине не стоило. Никто бы не стал принимать в расчет того, что в наш морг вовремя не завезли опилки со стружками. Похоронили женщину, и ладно. Да и на забор органов у патологоанатома разрешения не было. А вот пришить Петрухе издевательство над трупом и осквернение усопшей можно было на три-пятнадцать. Вот я и промолчал. До сих пор не знаю, правильно ли сделал? Быть доносчиком не хотелось ни тогда, ни теперь.

Мой приятель, поняв, что я выдавать его не собираюсь, одобрительно хмыкнул и убрал под стул свои огромные – сорок пятого размера ступни.

* * *

Утром Петруха на работе не появился – просто позвонил начальству и пробубнил, что отработает свое время вечером. Разрешение получил с легкостью, ибо срочной работы не предвиделось. Я справедливо посчитал, что после наших ночных приключений он просто выпил лишнего, а потом добавил с утра – вот и решил отлежаться. Во всяком случае, на мои телефонные звонки он не отвечал. У меня у самого после вчерашнего было желание засадить из горла бутылку и забыть обо всем. Но знал, что не поможет. У меня от спиртного фантазия только разыгрывается. А додумывать ситуацию можно было в разные стороны. В сугубо мистическую и с позиций материализма.

Патологоанатом притащился на службу поздно, мрачный и основательно помятый. Выглядел он немногим лучше некоторых своих остывших подопечных. Мешки под глазами, синюшные губы, руки подрагивали.

– Быстрова не беспокоила? – вместо приветствия проурчал он и тут же потащил меня на свое рабочее место в зале морга.

– К счастью, нет, – сообщил я.

– Вот это и хреново. Значит, копает на нас. Я методику этих ментов знаю. Вобьют себе в голову удобную версию и под нее факты подбирают. – Мой приятель тяжело вздохнул, потер виски, распахнул свой шкафчик, зашелестел пакетом – спрятал в него сиротливо стоявшую непарную кроссовку сорок пятого размера и тонкую пачку непрочитанных рекламных газет. – Выброшу все это на хрен.

– Только не делай этого у нас в больнице. Хотя бы улицу перейди и на остановке в мусорку брось. Там урну два раза на дню чистят.

– Только начал закон преступать, но уже рассуждаешь, как матерый преступник... А у меня сейчас сил не осталось даже за пивом сползать. Все думаю и никак придумать не могу: откуда в камине то, чем я ей брюшину с грудиной напихал, появилось?

– Сегодня нам, кстати, два мешка опилок привезли. Удовлетворили твою заявку.

– Поздно пить боржом, когда почки отвалились. Вот и делай людям услуги... Биологический материал ему для студентов понадобился, – в мешок с шуршанием записывались и рекламные газеты, принесенные Петрухой из дому. – А подписчика на них не пишут, – мстительно проговорил он в адрес отсутствующего эксперта. – У нас в почтовом отделении их всем подряд в почтовые ящики засовывают. Никого на работе уже не осталось?

– Мы одни. Даже «лемуры» разбежались. Только сторож-дежурный где-то дрыхнет.

Отдышавшись, патологоанатом уперся в край пустой металлической каталки, на которой из больничных корпусов привозили трупы. Жалобно скрипнули резиной колесики. Впечатление было такое, будто вздохнул один из мертвецов. Мертвые тела, прикрытые простынями, аккуратным рядом лежали на столах из нержавейки и терпеливо ожидали, когда же у Петрухи наконец появится время заняться ими вплотную. Но ногам, торчащим из-под простыней, покачивались пластиковые номерки.

– Пиво у меня и здесь есть, – сжалился я. – Хочешь, принесу?

– Тебе бы не у нас, а в отделении реанимации работать, – просветлел патологоанатом.

Я отправился в свою комнатку. У меня есть привычка держать на работе и дома запасы: пачку каких-нибудь дешевых сигарет – на случай, если кончатся мои любимые – и пару бутылок пива. Крепкого спиртного в морге не держу принципиально, чтобы не искушать Петруху. Потому как человек он подверженный. К пиву по вечерам он безразличен, янтарный напиток может заинтересовать его только утром.

Когда я вытаскивал из-за стеллажа пакет с бутылками, то услышал, как в смежном с моей комнаткой зале нагло распахнулась дверь. Шаги гулким эхом разнеслись под кирпичными сводами.

– Какого черта ты зашил в нее кроссовку с газетами? – прозвучал низкий мужской голос с явным акцентом. – Кто тебе позволил вытаскивать сердце?

– Да я, Рамирес, погоди... все объясню, – раздался напряженный голос Петрухи.

– Поздно объяснять, ответить придется. Зачем тебе понадобилось ее сердце? – Послышался звук раздираемого пакета, что-то шуршащее посыпалось на пол. – Да он тебе этот башмак сам кое-куда засунет, – вновь прозвучал голос с заметным иностранным акцентом, и послышалась возня.

Я поспешил на помощь приятелю. В зале морга я застал непривычную для нашего тихого места картину. Кроме мертвецов с пластиковыми бирками на голых ногах, в нем находилось четверо живых. Петруха с перекошенным от страха лицом жался в угол, пытаясь прикрыться обрывками большого пластикового пакета. В двух шагах от него стоял, скрестив на груди руки, молодой красавец-мужчина в черном до пят плаще. Жесткие, как проволока, черные волосы, карие с масляной поволокой глаза южанина... Да, это был тот самый тип, с которым я столкнулся на крыльце подъезда в доме покойного Дмитрия Петровича. Оказывается, его точно звали Рамирес. Уже дважды мне довелось услышать это имя. Сразу чувствовалось, что он главный в небольшой компании, внезапно наведавшейся этим вечером в наш морг. Чуть позади него стояла девушка. Сказать, что она была красива – ничего не объяснить. И ее красота имела явно не местное происхождение. Вообще-то брюнетки обычно не привлекают моего внимания, блондинки предпочтительнее. Но тут был исключительный случай. Я на мгновение даже забыл об опасности, которая угрожает Петрухе. Лет двадцать с небольшим, вылитая Кармен, не хватало лишь алой розы в волосах. Я понимаю, что Кармен, если брать ее оперный прототип, цыганка и контрабандистка. Но так уж сложилось, что в представлении нашего человека она – воплощение испанки.

Я глядел на нашу гостью, а в памяти тут же сами собой всплывали романтические стереотипы об этой стране: кровавая коррида, сумасшедшая любовь с обязательной благородной поножовщиной и гибелью влюбленных в финале истории. Мне даже показалось, что под старыми кирпичными сводами унылого столичного морга застучали кастаньеты и пару раз про-

звенели аккорды андалузской гитары. Тот, кого, скорее всего, и звали Рамирес, крепко держал девушку за руку, словно опасался, что она убежит от соотечественника.

А вот третий тип был сделан совсем из другого теста и явно местной выпечки. Таких еще называют «спортсменами». Он словно телепортировался из начала девяностых годов прошлого века. Плечи плавно переходили в затылок, а затем в коротко стриженную голову. Шея отсутствовала напрочь. Наверное, для того, чтобы никто не сумел его задушить. Спортивные штаны с лампасами, кожаная куртка. Глаза ровным счетом ничего не выражали. Уж не знаю, до какой степени нужно тренировать тело, чтобы напрочь погасить это «зеркало души». Именно на него боязливо косился Петруха. Если бы такой гость надвигался на меня, я бы решил, что вряд ли проживу и четверть часа. На полу между Петрухой и «спортсменом» лежали, рассыпавшись веером, рекламные газеты, принесенные патологоанатомом из дому, и стоптанная кроссовка сорок пятого размера. Я понял, что приятеля нужно спасать.

– Я не знаю и знать не хочу, что у вас здесь происходит и кто виноват, – сказал я, пытаюсь вложить в свой голос остатки самоуверенности, – но я вызываю милицию.

Испанец или латиноамериканец, черт знает его, кем он был на самом деле, снисходительно улыбнулся, глядя мне прямо в глаза. Когда требовали обстоятельства, он явно мог блистать хорошими манерами.

– К вам и вашей работе у нас нет никаких претензий. Но именно к вашей, а не к его, – акцент звучал ненавязчиво, но как-то сразу заставлял прислушиваться к словам.

Голос вползал в мой мозг тихо и незаметно, как ядовитая змея в глазницу выбеленного южным солнцем черепа. Я вопросительно посмотрел на Петруху. В конце концов, ему было решать свою судьбу.

– Не надо ментов, – затравленно произнес он. – Нам их и вчера с тобой хватило.

– Раз мы здесь не одни, тогда предлагаю выйти, – произнес загадочный брюнет, у которого с Петрухой наверняка имелись какие-то свои тайные счета.

Патологоанатом выпустил скомканный пакет из рук и обреченно шагнул к выходу из зала морга. Мне показалось, что лампочки в жестяных конусах-абажурах синхронно моргнули и стали гореть каким-то тлеющим, угасающим светом. «Спортсмен» вышел следом за моим приятелем. Его ничего не выражающие глаза сверлили Петрухе затылок. Но когда брюнет потянул девушку за собой, она вспыхнула. Я не понял точно, что она ему сказала. Прозвучала эмоциональная испанская скороговорка, похожая на заклинание, наверняка с крепкими выражениями. Брюнетка выдернула руку из пальцев Рамиреса и приготовилась защищаться, выставив перед собой острые ярко накрашенные ногти.

В другое время и в другой обстановке брюнет наверняка нашел бы способ ее успокоить. Он даже приподнял ладонь, будто собирался дать ей пощечину. Но, вспомнив, что они здесь не одни, нехотя опустил руку и сдержанно мне улыбнулся, а затем вышел из зала. Брюнетка остыла, замкнулась.

В низком зарешеченном окне, прорезавшем толстенную кирпичную стену морга, по ту сторону стекла я увидел Петруху. Он медленно отступал перед надвигавшимся на него «спортсменом». Рамирес стоял неподалеку и мстительно щурился. Кто и что говорил, я не слышал. Двойные оконные рамы у нас наглухо закрыты и заколочены в любое время года. Руки патологоанатома, способные «мозги вышибить» и «сердце вырвать», оказались бессильными против еще более грубой силы. «Спортсмен», обменявшись взглядом со своим хозяином Рамиресом, сгреб Петруху в охапку и швырнул на решетку окна. Пару секунд я созерцал впечатанное в металлические прутья лицо приятеля, а затем он медленно сполз, оставляя на решетке тонкий кровавый след: то ли от разбитой губы, то ли от выбитого зуба. Еще пару секунд я стоял в оцепенении.

Место, где происходила разборка – задний дворик морга, – было абсолютно глухим. Никто бы не мог прийти Петрухе на помощь, даже увидеть его не мог, кроме меня, конечно.

А я чувствовал: стоит Рамиресу качнуть пальцем, «спортсмен» схватит «мертвого доктора» и примется тереть его лицом о кирпичную стенку. Тереть будет долго, пока ему не скажут «стоп».

– Чего вы стоите? – выдохнула «Кармен». – Его же убьют. Помешайте им!

Если бы не эта просьба, я бы вряд ли сдвинулся с места. Убить могли не только Петруху, но и меня. Однако мужчины, пытаясь произвести впечатление на прекрасных дам, очень часто совершают глупости. Совершил глупость и я – опрометью бросился к выходу, оставив брюнетку наедине с мертвецами. Не догадался, что делать этого не стоит...

Задний дворик морга – место мрачное. В том смысле, что туда никогда не доходят прямые лучи солнца. Заросли давно не кошенной крапивы, старые, покрытые лишайником яблони... Эзекюция свершилась. Петруха сидел на траве, придерживая пальцами рассеченную губу. «Спортсмен» нависал над ним, ожидая команды хозяина. Глаза, словно отлитые из бутылочного стекла, не выражали никаких эмоций.

– Хватит, – отметив мое появление краем глаза, произнес Рамирес по-русски и тут же уточнил: – На сегодня хватит. – И, сделав небрежный жест рукой, увел за собой спокойного, как слон, «спортсмена».

Только когда они оба исчезли за углом, Петруха позволил себе заматериться. Получилось у него не так, как обычно, – неизобретательно и тупо. По его взгляду понял – парня наказали за дело, и еще мало наказали.

– Тебе помочь? – предложил я, хотя слабо представлял себе, в чем может заключаться моя помощь.

– Пошел ты...

И все же патологоанатом воспользовался протянутой рукой – ухватился за нее и поднялся с травы.

– Чего он от тебя хотел? Кто он такой?

– Рамирес, – прошамкал разбитым ртом Петруха. – Лучше тебе его не знать. Жалею, что в свое время не послал его куда подальше.

– Если что, я свидетелем могу быть.

– Свидетелем чего? – несмотря на драматизм ситуации, Петруха хихикнул. – Свидетелем Иеговы? Тогда пожалуйста...

– У тебя еще есть силы ерничать. Значит, жить будешь. Домой тебя отвезти?

– Пойду к нашим хирургам. Губу заштопать надо. Хотя какая-то польза от того, что в больнице работаю. А про этого типа просто забудь и больше о нем меня не спрашивай! – Петруха замахал руками, показывая, что сопровождать его не стоит, и, пошатываясь, поплелся к хирургическому корпусу.

А в морге тем временем уже творилось что-то неладное: хлопали двери, звучали проклятия на испанском. Что-то гулко полетело на пол и зазвенело. Этого мне еще не хватало! Я застал Рамиреса в коридоре. На полу еще перекатывался огромный алюминиевый бак с надписью, сделанной белой масляной краской – «хлорка». «Спортсмен» заглядывал в темноту холодильной камеры и щелкал зажигалкой, та постоянно гасла от ветра.

– Где она? – бросился ко мне то ли испанец, то ли латиноамериканец.

– Кто? – спросил я, хотя прекрасно понимал, о ком идет речь.

– Где?

– Она убежала. Женщины не любят жестокости.

– Не любят? – прищурился Рамирес. – Тогда вы ничего не знаете о жизни. И мне вас жаль.

Он приподнял руку и коснулся своего лица. На безымянном пальце блеснул перстень – искусно выполненный, отполированный до зеркального блеска серебряный череп.

– И все же она убежала, – мстительно добавил я.

– Инесс любого может свести с ума. Так что не советую ей помогать. – Рамирес резко опустил руку, серебряный перстень погас падающей звездой. – Поехали. Это я виноват, недосмотрел...

И уже не обращая на меня никакого внимания, Рамирес со «спортсменом» покинули морг. Я припал к стеклу. Почему-то мне казалось, что они пытаются обмануть меня – никуда не уедут, спрячутся за углом и подкараулят, когда я попытаюсь выйти из здания. Идиотская мысль. Ну кто им мешал расправиться со мной на заднем двореке или здесь, в зале морга? Хотели бы – занялись мной вплотную без лишних эффектов.

Рамирес, прежде чем сесть за руль, взглянул на меня в окне. И я отшатнулся. Его взгляд был колючим, словно острия двух раскаленных гвоздей вонзились мне в лоб. Хотя что он мог разглядеть в сумрачном помещении с освещенной заходящим солнцем улицы сквозь запыленное, давно не мытое стекло?

Машина визитеров пыхнула дымком и, мигнув стоп-сигналами, покатила к полосатому шлагбауму. И кто его только открыл посторонним? Иногда и автомобиль «Скорой помощи» не сразу проедет. А тут открыли, как хозяевам.

Наш сторож наверняка проснулся, лишь только начался шум. Но, как человек чрезвычайно осторожный, сделал вид, будто очухался ото сна только что и ничего не слышал, не видел. Он выглянул из своей комнатенки, показательно зевнул и со старательностью плохого драматического актера провинциального театра глянул на опрокинутый бак из-под хлорки.

– Сам свалился, что ли? Или зацепились? – поинтересовался он. – Ох уж эта уборщица... Если я вам, Марат, понадобится, то разбудите.

Сказал и ретировался. Заскрипел пружинами старый матрас, а сторож еще и сделал вид, будто захрапел – для пущей убедительности. Так что можно было считать, я остался в морге абсолютно один. Сумерки уже сгустились, надвигалась ночь...

Нередко в компаниях работники морга любят рассказывать всякие страшилки-побасенки о своем учреждении. Истории обычно одни и те же. Вам их поведают в разных городах и, возможно, в разных странах. О студенте-медики, устроившемся работать к мертвецам сторожем, будто бы он от нечего делать усадил покойников за стол и сунул им в руки веера игральных карт. А санитар зашел, увидел – и получил разрыв сердца... Вам расскажут о призраках самоубийц или о жертвах насилия, о душах тех, кто никак не хочет покидать этот свет, не решив земных дел. Я не против того, что призраки и духи существуют. В конце концов, если в языке есть слова, их обозначающие, существуют и сами явления. Но касательно морга все это ерунда. Мертвецы там совсем не страшные – во всяком случае, мне так казалось до последнего времени. Они лежат на виду – голые, а, значит, незащищенные. Они, как пациенты, пришедшие на прием к врачу. Какая уж тут мистика? Из них ушла тайна жизни. Скажете, существует тайна смерти? Возможно. Но она находится уже за той гранью, которую невозможно переступить, продолжая мыслить, продолжая существовать.

И тут я почувствовал то, чего не ощущал здесь прежде. В груди возник неприятный холодок. Я точно знал, что в небольшом старом здании нахожусь один, если не считать сторожа-лодыря. Но знать одно, а чувствовать другое. Чувства неподвластны разуму. Вопреки фактам, интуиция, подсознание подсказывали мне, что я здесь не один. Чье-то присутствие буквально ощущалось кожей. Стоило отвернуться, и тут же чей-то взгляд сверлил мне спину. В обычных ночных звуках пустого помещения чудилось еле слышное дыхание. Считаете, можно успокоить себя тем, что мертвецы не дышат? Но именно от этого знания и становилось не по себе. Живой мертвец страшнее неживого. За приоткрытой дверью зала что-то тихонько звякнуло и тут же затихло, словно кто-то очень осторожно придержал металлический предмет пальцами.

Моя проклятая привычка проверять и прояснять все непонятное сработала и на этот раз. Хотел убедиться – я ошибаюсь, чтобы не вспоминать о таинственном бессонной ночью. Разоблаченное чудо перестает быть чудом. И зачем я только это сделал?

Мягко щелкнул рубильник. Свет в жестяных конусах-абжурах вспыхнул резко, ударил по глазам. Так и есть – никого, кроме покойников. Сколько же их здесь было? Пять, шесть? Этого я не помнил. А вот газеты и кроссовка до этого точно лежали на другом месте. Насчет этого я готов был поклясться. Осторожно ступая, медленно продвигаясь по залу, я заглядывал под столы, за стеллажи, оттягивая тот момент, когда придется проверить и мою маленькую комнатку. Мне уже мерещилась там якобы похороненная вчерашним днем женщина, у которой Петруха похитил сердце и поплатился за это.

И вдруг что-то метнулось от меня – сильное, ловкое. Даже пустой стол из нержавейки, задетый им, немного откатился от стены. Я замер, на какое-то время забыв, что живой человек обязан дышать. А затем воздух с хрипом ворвался в мои опустевшие легкие. Из-за тумбы старого письменного стола, приспособленного Петрухой под склад инструментов, блеснули два нечеловечески желтых круглых глаза. И тут же раздалось утробное плотоядное урчание. Мне повезло – неожиданное видение на мгновение парализовало меня, и я не бросился с криком на улицу. Иначе бы в антологии историй, рассказанных работниками моргов, появилась бы еще одна. И не было бы в ней реального объяснения, не было бы морали, кроме банальной и очевидной – не стоит оставаться на работе после ее окончания. Мы смотрели в глаза друг другу всего несколько секунд, но в ощущениях они растянулись в минуты.

Желтые светящиеся глаза не моргали, буравили меня. И тут наконец до меня дошло, кто это может быть. Я отступил на шаг. И тогда из-за тумбы письменного стола беззвучно вынырнул большой черный кот. Его отливающий блеском пушистый хвост нервно ходил из стороны в сторону. Шерсть на загривке стояла дыбом. Раздувающиеся, как мехи фисгармонии, бока издавали то самое утробное урчание.

Всех больничных котов, ошивающихся возле пищеблока, я знал наперечет. Обычно во внеурочное время они грелись на солнышке возле нашего крыльца. Этот же ночной пришелец был не из их компании. Он совсем не походил на облезлого бездомного бродягу, пригретого из сострадания ко всему живому сердобольными больничными поварами. На меня шипела холеная зверюга, не знающая толком, что такое голод и грязь. Мне вспомнились слова Петрухи, сказанные им в самом начале моей карьеры гримера мертвецов: «Увидишь кота или собаку в морге – гони их взашей. Так и норовят спереть биологический материал. Этим скотинам-животным без разницы: котлету стянуть или схватить отложенный для экспертизы срез человеческого мозга».

– Брысь... – наверное, я вымолвил это не слишком убедительно, мне даже показалось, что кот отрицательно покачал головой, мол, и не думай, не уйду.

В моих руках оказалась деревянная швабра с намотанной на нее мокрой тряпкой. Наша уборщица никогда далеко ее не прятала. Пара взмахов, несильных толчков в наглую рожу коту, и он попятился к выходу.

– Пшел нах! – крикнул я.

Как ни странно, подействовало. Черный кот развернулся, поспешил к выходу, а затем, не теряя достоинства, гордо подняв закрученный знаком вопроса хвост, вышел на крыльцо. Прежде чем исчезнуть в темноте, он обернулся, бросил на меня прощальный взгляд, как сделал бы это человек, поворачивая голову через плечо. Я захлопнул дверь и повернул замок на один оборот.

«Все. Приплыли. Нервы стали ни к черту. Скоро от своей тени начну шарахаться. Все-таки на телевидении работать было спокойнее. Мерзко, но зато все понятно».

Как любил говаривать Петруха: «Все тайное сделалось явным». Вещи стали на свои места. Мистика, как казалось мне, рассеялась, словно ночной туман. Я даже попытался что-то

насвистеть, хотя с музыкальным слухом у меня проблемы. Но, в конце концов, кто меня слышал? Сторож уже неподдельно похрапывал за обитой железом дверью, а мертвецам, думаю, было все равно. Ступал я нарочито шумно, как человек, пытающийся успокоить себя после испуга. Всего лишь кот, пусть и черный. Да мало ли на свете черных котов! На этот раз я не ожидал увидеть в своей комнатенке ничего сверхъестественного, и ожидания мои оправдались. Мертвая женщина оставила меня в покое и не собиралась возвращаться. Подхватил пакет с пивом, не хотелось лишний раз заезжать в магазин. Дольше задерживаться в морге я не собирался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.